

ПОСТКОММУНИЗМ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В.А. Гуторов

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии,
ул. Смольного, 1/3, Подъезд № 7, 191060, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: gut-50@mail.ru

В докладе рассматриваются актуальные аспекты интерпретации марксистской традиции в посткоммунистическом политико-философском дискурсе. Отмечается, что многие из возникших идей, с 1990-х гг. ставших достоянием новой социальной философии посткоммунизма, имели важное значение как для разработки не лишенных идеологической ангажированности принципов анализа, так и основных векторов политики. При этом философы и ученые, обращавшиеся к ревизии истоков социальной философии марксизма, нередко и весьма настойчиво стремились обосновать идеи, возникшие еще в 1920-е гг. (Н.А. Бердяев, К. Манхейм и др.).

Ключевые слова: марксизм; посткоммунизм; социальная философия; политическая идеология; историческая традиция.

POST-COMMUNISM AND SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE MARXIST TRADITION

V.A. Gutorov

Saint-Petersburg State University, Faculty of Political Science,
ul. Smolnogo, 1/3, Entrance № 7, 191060, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: gut-50@mail.ru

The report examines the actual aspects of the interpretation of the Marxist tradition in post-communist political and philosophical discourse. It is noted that from the 1990s many of the emerging ideas, which became the property of a new social philosophy of post-communism, were of great importance both for the development of principles of analysis that are not devoid of ideological bias and for the main vectors of politics. At the same time, philosophers and scholars who turned to the revision of the origins of the social philosophy of Marxism, quite often and very persistently tried to justify the ideas that arose in the 1920s. (N.A. Berdyaev, K. Mannheim and others).

Keywords: marxism; post-communism; social philosophy; political ideology; historical tradition.

Пересмотр наследия Маркса в посткоммунистический период истории стран Центральной и Восточной Европы, а в дальнейшем и России изначально становится важнейшей составной частью трансформации идеологического дискурса, в структуре которого интеллектуальное мифотворчество играло весьма существенную роль. Как справедливо отмечал Х. Видра в предисловии к сборнику статей с характерным названием «Демократия и миф в России и Восточной Европе»: «В то время как Россия до 1917 г. создала “бутафорский конституционализм”, Восточная Европа видела неудавшиеся демократические эксперименты.

Коммунистическая власть в России и Восточной Европе после 1945 г. полагалась на конституционные мифы, культ личности и догматический марксизм-ленинизм, а равным образом и на эсхатологический миф о переходе к коммунизму. Соответствующая литература о демократизации в посткоммунистической Восточной Европе не только скрывала этот парадокс, но и использовала его в целях навязывания программы истины. Демократия была сведена к институционализации, основанной на интересах партийной политики, руководимой интересами и знаниями просвещенных элит, которые смастерят, разовьют и консолидируют демократию... В условиях отсутствия при коммунизме класса частных собственников в Центральной Европе другая социальная страта – культурная буржуазия (*Bildungsbürgertum*) возложила на себя историческую миссию строительства капиталистического экономического порядка. Капитализм вступил в Восточную Европу не через профессиональную элиту, но опираясь на гуманистически ориентированных интеллектуалов» [9, р. 2].

Нелишним будет вспомнить, что многие исходные идеи о природе посткоммунизма и причинах «системного провала» социализма в конце XX в. приходили с Запада, формируя с 1990-х гг. основные линии интерпретаций нашего недавнего прошлого [7]. Следует также подчеркнуть, многие из этих идей, ставших с 1990-х гг. достоянием посткоммунистического научного и философского дискурсов, имели важное значение как для разработки новых, не лишенных идеологической ангажированности, принципов анализа, так и основных векторов политики. Предпочтение отдавалось преимущественно тем методологиям, в рамках которых осуществлявшаяся под лозунгами демократизации трансформация коммунистической олигархии в посткоммунистическую могла быть осмыслена на уровне «респектабельного понимания» основных тенденций современного мирового политического процесса, имманентно порождавших в условиях глобализации всеобщий кризис демократических институтов и традиций. Ученым не могла не импонировать, например, позиция неомакиавеллистов относительно природы современной демократии, которую весьма сочувственно обобщал в своих лекциях Раймон Арон: «Так называемые демократические режимы, как объясняют макиавеллисты, на деле не что иное, как олигархии особого рода – плутократические. Владельцы средств производства прямо или косвенно влияют на тех, кто вершит государственными делами. Итак, очевидный, принимаемый и макиавеллистами факт: *режим, который в каком-либо смысле не был бы олигархическим, немислим*. Сама сущность политики такова, что решения принимаются для всего общества, но не им самим в целом. Решения и не могут приниматься сразу всеми. Народовластие не означает, что вся масса граждан непосредственно принимает решения о государственных финансах или внешней политике. Нелепо сопоставлять современные демократии с идеальными представлениями о

неосуществимом режиме, при котором народ правит сам собой. Зато полезно сравнить существующие режимы с возможными. Это в равной мере относится к критике режимов советского типа с позиций макиавеллистов» [1, с. 108-109].

Другим весьма популярным источником, закреплявшим в 1990-е гг. в российском политическом дискурсе макиавеллистские стереотипы мысли, стали философские идеи социологии Пьера Бурдьё. Несмотря на определенный налет политического идеализма, связанного с несколько преувеличенной оценкой степени революционного радикализма польских и чешских диссидентов, ставших первоначально на рубеже 1980-1990-х гг. основой посткоммунистической элиты, П. Бурдьё удалось вслед за М. Вебером и В. Парето обосновать на новом социологическом материале ту принципиально важную мысль, что идеологические концепты и клише нередко являются лишь фетишистским прикрытием свойственного любым политическим режимам механизма делегирования, способствующего институционализации или «объективации» политического капитала и его «материализации в политических “машинах”, постах и средствах мобилизации» [3, с. 215]. «В отличие от того, что подразумевают обычно при противопоставлении “тоталитаризма” и “демократии”, – утверждал Бурдьё, – мне думается, что различие между советским режимом в том аспекте, который нас здесь интересует, и режимом партий, который превозносят под именем демократии, есть лишь различие в степени, и что в действительности советский режим представляет собой самую крайнюю ее степень. Советизм нашел в марксизме концептуальный инструментарий, необходимый для обеспечения легитимной монополии на манипулирование политическими речами и действиями (если позволить себе воспользоваться знаменитой формулой Вебера по поводу Церкви). Я имею в виду такие изобретения как “научный социализм”, “демократический централизм”, “диктатура пролетариата” или, *last but not least*, “органичный интеллектуал”, – это высшее проявление лицемерия священнического звания. Все эти концепты и та программа действия, которую они определяют, направлены на обеспечение доверенному лицу, монополизирующему власть, двойной легитимности – научной и демократической» [3, с. 311-312].

Причины краха марксистской идеологии и ее стремительная эрозия в общественном сознании в постсоветский период было весьма соблазнительно объяснять также с помощью исторической схемы общей деградации левых идеологий в XX в., разработанной Р. Ароном еще в конце 1950-х гг. в работе «Опиум интеллектуалов»: «Левые родились и приобрели свой облик в оппозиции, они были детьми этой идеи. Они отрицали социальный порядок, который, как и все человеческие вещи, действительно был несовершенен. Но как только левые победили и стали, в свою очередь, ответственными за существующее общество, правые, которые теперь идентифицировались с оппозицией и контрреволюцией,

без особого труда могли продемонстрировать, что левые представляли не свободу против власти и не народ против привилегированного меньшинства, но одну власть против другой, один привилегированный класс против другого» [8, р. 17].

Такова общая картина, характеризующая исходные идеологические параметры посткоммунистических дискуссий в области политической теории. Отталкиваясь от них, можно констатировать, что в посткоммунистическом политико-философском дискурсе «возврат к прошлому» ни в научном, ни в идеологическом плане никак не может сопровождаться сегодня возвратом к марксизму в любой из его современных форм. Многие интеллектуалы и гуманитарии столь же хорошо усвоили все опасности увлечения философией марксизма, как это в свое время сделал Лешек Колаковский, просто и рельефно поведавший в одном из своих интервью 1990-х гг. о причинах своего первоначального увлечения марксистскими формулами: «Как вы знаете, поворот к марксизму всегда был двойным поворотом... Марксизм привлекал меня, как и многих других людей, тем, что он по видимости предлагал рациональное и, вместе с тем, несентиментальное видение истории, в рамках которого все было объяснено..., не только прошлое, но и будущее становились в равной степени прозрачными... Сартр однажды сказал, что марксисты были ленивы именно в том смысле, что марксизм, особенно в его упрощенной, примитивной форме, долгие годы господствовавшей как политическая идеология, было легко изучать» [12, р. 342].

Но это означало также, что, отказавшись от простых идеологических формул, интеллектуалы не могли не натолкнуться на дилемму, подобную той, которая сравнительно недавно была вновь очень пластично сформулирована Марселем Гоше: «Если мы действительно вынуждены раз и навсегда отказаться от марксизма, то что же тогда должно занять его место? А это уже как раз является основной заботой политической философии» [4, с. 12].

Но парадоксальность ситуации как раз и состоит в том, что на рубеже XX-XXI вв. философы и ученые, обращавшиеся к ревизии истоков социальной философии марксизма, нередко и весьма настойчиво стремились обосновать идеи, возникшие еще в 1920-е гг. При этом они иногда даже не подозревали, что пальма первенства в этом направлении, по всей вероятности, принадлежит Н.А. Бердяеву, следующим образом обосновавшему в своем эссе «Новое средневековье» (1924) представление о Марксе как анти-демократически настроенном консервативном моралисте: «Маркс был коммунистом. Он не был социал-демократом. И никогда Маркс не был демократом. Пафос его существенно антидемократический. “Научный” социализм возник и вошел в мысль и жизнь народов Европы не как демократическое учение. Также не демократичен и антидемократичен был и утопический социализм Сен-Симона, который был реакцией против французской революции и во

многим родственен был духу Ж. де Местра. Демократия и социализм принципиально противоположны» [2, с. 62].

Случайно это или нет, но год спустя аналогичный «диагноз» Марксу был поставлен Карлом Манхеймом. Он также отмечал в работе, посвященной феномену консерватизма, что «пролетарская мысль во многих пунктах родственна мысли консервативной и реакционной, поскольку, исходя из совершенно отличных основных целей, оказывается вместе с консервативной мыслью в оппозиции к целям капиталистического мира буржуазии, абстрактности ее мышления» [6, с. 590]. Несколько десятилетий спустя та же идея была воспроизведена почти буквально в первом томе работы Лешека Колаковского «Основные направления марксизма». «В основных чертах своей критики капиталистического общества, – отмечал польский философ, – Маркс является наследником романтического движения. Романтики атаковали индустриальное общество с консервативных позиций, оплакивая утрату “органических” связей и привязанностей и тот факт, что человеческие существа сталкиваются друг с другом не как индивиды, но как представители внеличных сил и институтов или власти денег [10, р. 409].

Следует отметить, что сама форма аргументации Л. Колаковского воспроизводила не только ставшие уже традиционными суждения о связи марксизма с европейской романтической консервативной традицией, но, до известной степени, и довольно характерные топоры критики классического либерализма, сложившиеся как в западноевропейской, так и в русской политической теории во второй половине XIX – начале XX вв. (например, А. Д. Градовский). К концу XX века вектор поиска истоков «марксистского консерватизма» стал довольно активно перемещаться от феодальных конструкций и аллюзий, ассоциирующихся с трудами Жозефа де Местра, Луи де Бональда и Анри де Сен-Симона в сторону классической античности (Д.Э. МакКарти) [5; 11].

Библиографические ссылки

1. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – М., Текст, 1993. – 303 с.
2. Бердяев, Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы / Н. Бердяев. – М., СП Интерпринт, 1990. – 82 с.
3. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё. – М., Socio-Logos, 1993. – 336 с.
4. Гоше, М. Задачи политической философии / М. Гоше – Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 6 (86), 2012. – С. 10-46.
5. Градовский, А. Д. Общество и государство / А. Д. Градовский. – Журнал социологии и социальной антропологии. 2002, № 3. – С. 58-78.
6. Манхейм, К. Консервативная мысль // Манхейм К., Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М., Юрист, 1994. – С. 572-670.
7. Хедлунд, С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / С. Хедлунд. – М., Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 424 с.
8. Aron, R. The Opium of the Intellectuals / R. Aron. – New York, The Norton Library. W.W. Norton & Company Inc., 1962. – 324 p.

9. Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe. Ed. by A. Wöll, H. Wydra. London, New York, Routledge, 2008. – 225 p.
10. Kolakowski, L. Main Currents of Marxism. Its Rise, Growth, and Dissolution. Vol. I. The Founders / L. Kolakowski – Oxford, Clarendon Press, 1978. – 434 p.
11. McCarthy, G. E. Marx and the Ancients. Classical Ethics, Social Justice and 19th Century Political Economy / G.E. McCarthy. – Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1990. – 342 p.
12. On Marxism, Christianity and Totalitarianism. An Interview with Leszek Kolakovsky // Totalitarianism and Political Religions. Volume I. Concepts for the Comparison of Dictatorships. Ed. by Hans Maier. London and New York, Routledge, 2004. – P. 342-348.